

ИНЕРЦИОННОСТЬ РОССИЙСКОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЭФФЕКТЫ*

М. С. Ильченко (Екатеринбург)

В статье рассматривается роль инерции в развитии российской системы образования. Утверждается, что в период масштабных социальных трансформаций 1990-х гг. инерционные механизмы системы образования выполнили важную защитную функцию, позволив сохранить ее ключевые институциональные свойства и устойчивость воспроизводства. Автор полагает, что в сегодняшней ситуации инерционность не только определяет логику институционального развития российской образовательной сферы, но и непосредственно влияет на ее идеологический характер. Инерционные механизмы подменяют функцию ценностного регулирования воспроизводством социальных рутин и привычек, тем самым способствуя формированию особого типа установок и образцов поведения.

Ключевые слова: инерционность, система образования, институциональное развитие, зависимость от исторического пути, импорт институтов, воспроизводство ценностей, идеологический механизм.

INERTIA OF THE RUSSIAN EDUCATIONAL SYSTEM: THE INSTITUTIONAL PECULIARITIES AND IDEOLOGICAL EFFECTS

M. S. Il'chenko (Ekaterinburg)

The article describes the role of inertia in the development of the Russian educational system. It is argued that during the period of reforms in the 1990th the inertia mechanisms carried out a protective function of the system, maintaining its stability and institutional integrity. The author suggests that today inertia has a serious impact not only on the institutional development but on the ideological character of the educational sphere as well. The inertia mechanisms replace the values by social routines and habits, thus, giving rise to the new social attitudes and patterns of behavior.

Key words: inertia, educational system, institutional development, dependence on the historical path, import of institutions, reproduction of values, ideological mechanism.

В сегодняшней России инерционность является не просто свойством и характеристикой политической системы, но сущностной чертой обще-

* Материал подготовлен при финансовой поддержке гранта Президента РФ (МК-7073.2013.6) и проектов партнерских фундаментальных исследований СО РАН № 26(2012-2014) "Новые парадигмы социального знания".

© Ильченко М. С., 2013

Ильченко Михаил Сергеевич – кандидат политических наук, научный сотрудник, Институт философии и права, УрО РАН.

E-mail: msilchenko@mail.ru

ственного развития. Наряду с особенностями воспроизводства политических институтов она определяет модели поведения людей, их привычки и социальные установки. В таких условиях действие инерционных механизмов выходит далеко за пределы институционального регулирования, проникая в самые разные сферы политики, среди которых оказывается и сфера идеологии. В отношении идей и политических ценностей инерционные механизмы выполняют ту же компенсаторную функцию, что и в отношении новых, устанавливаемых в обществе правил игры. Но если действие новых норм и законов компенсируется традиционными регуляторами и сложившимися механизмами взаимодействия, то функцию ценностей начинают подменять социальные рутины и привычки. При этом эффекты замедленного институционального развития политической системы не столько влияют на формирование новых смыслов и установок, сколько определяют режим их функционирования. В результате, механизмы воспроизводства политических ценностей приобретают гораздо большее значение, чем само их содержание. Опыт политического развития России двух последних десятилетий демонстрирует, что многое из того, что принято считать результатом сознательной идеологической политики, на деле оказывается следствием и своего рода побочным эффектом работы институциональных механизмов политической системы.

С точки зрения анализа эффектов инерционности, система образования представляет собой особенно показательный пример. Во-первых, она традиционно выступает важнейшим каналом воспроизводства государственной идеологии. Это объясняется не просто возможностью использования образовательной системы в качестве инструмента идеологического влияния, но тем, что уже в силу своей институциональной природы она призвана выполнять роль проводника соответствующих политических ценностей. Во-вторых, в случае системы образования речь идет о крайне медленно меняющихся институтах. Она является чувствительной к любым внешним изменениям и одновременно вынуждена перерабатывать их достаточно длительный период времени. Именно поэтому последствия образовательных реформ оказываются не очевидны в краткосрочной перспективе и, как правило, имеют так называемый «отложенный эффект». Оба эти фактора делают рассмотрение действия инерционных механизмов в системе образования крайне важным в контексте институциональных изменений в российской политике в целом. В некотором смысле преобразования, произошедшие в этой сфере за два последних десятилетия, в концентрированном виде отражают все наиболее значимые черты, характеризующие режим воспроизводства политического порядка современной России.

В сравнении с большинством сфер общественной и политической жизни России, импорт институтов в сферу образования оказался не столь резким. Несмотря на обилие нововведений и реформаторских инициатив, преобразования начала девяностых годов скорее задавали общий ракурс развития образовательной политики, нежели кардинальным образом меняли ее характер. Проведение реформ, затрагивающих фундаментальные основы образовательной системы, оказалось растянутым на дли-

тельный период. Введение системы двухуровневого высшего образования, присоединение к Болонскому процессу и мировым стандартам развития образовательной сферы, перестройка системы подготовки педагогических кадров – реализация всех этих преобразований заняли существенный отрезок времени, не отличаясь последовательностью и планомерностью.

В сущности, основным источником легитимации проводимых реформ выступала общая риторика демократизации и включения в мировой образовательный процесс. У властных элит отсутствовали целостное видение реформ и какая-либо четкая программа действий. Эта ситуация была вполне характерной для масштабных социальных преобразований в России. Однако в случае со сферой образования такая неопределенность изначально задавала специфические условия воспроизводства всей сложившейся внутри нее системы взаимодействий. Системе каждый раз приходилось реагировать на новые изменения, подстраиваясь под предлагаемые правила игры и стандарты, принятие которых, в свою очередь, нередко становилось результатом решения ситуативных задач.

Единственным, что могло поддерживать развитие образовательных институтов в таких условиях, был привычный уклад взаимоотношений, сложившийся в этой сфере за предыдущие десятилетия. Советские стандарты продолжали оставаться фундаментом для системы образования, которая, опираясь на привычный набор регуляторов и практик взаимодействия, функционировала в режиме постоянной корректировки формальных правил игры. В этой ситуации инерционность являлась не просто эффектом прошлого, но выступала в роли ключевого институционального механизма развития. Инерционные механизмы, запускавшиеся системой в качестве реакции на внешние вызовы, становились основным гарантом ее воспроизводства и целостности. Подобные явления в институциональном развитии социально-политических систем хорошо объясняет теория «path dependence» (зависимости от предшествующего пути развития). Согласно ее основному принципу, история «имеет значение» для социального, экономического или политического развития в том смысле, что события настоящего оказываются зависимыми от событий прошлого в институциональном плане. Или, другими словами, – «отдельные события прошлого в состоянии вызывать значимые эффекты в будущем» [1, с. 457]. Если рассматривать предельно широкую трактовку «влияния прошлого» в русле институционального анализа, то принцип зависимости от предшествующего пути развития будет означать действие процессов, основанных на положительной обратной связи, то есть такую траекторию развития, которая задается устойчивым воспроизводством определенного институционального образца (результата) [2].

Воспроизводство в новых условиях принципов советской системы образования со свойственными ей практиками централизованного управления и жесткой регламентации образовательного процесса стало, с одной стороны, следствием прочности и устойчивости сложившихся за десятилетия традиций, а с другой – естественной защитной реакцией системы. Неприятие многих новаций и общая инертность российской образовательной системы выступили в некотором роде формой ее само-

сохранения. Инерционные эффекты подобного рода являются вполне характерными для обществ, претерпевающих масштабные модернизационные изменения. Сопротивление преобразованиям в таком случае оказывается результатом действия защитных механизмов, поддерживающих режим функционирования системы в состоянии общей неопределенности (см., напр.: [3]). Фактор «советского наследия» сыграл ключевую роль в выстраивании взаимодействий в различных сферах российской политики, однако его влияние на воспроизводство образовательной системы стало особенно ощутимым.

Важно подчеркнуть, что импорт институтов в образовательной сфере практически не сопровождался «отказом от прошлого». Для общей трансформации политической системы России декларативное отторжение советского опыта играло ключевую роль, поскольку служило важнейшим источником легитимации проводимых реформ. В случае с советской системой образования критике могли подвергаться отдельные присущие ей черты – излишняя централизация управления или бюрократизированность, однако ее фундаментальные принципы почти никогда не ставились под сомнение. Характерно, что признание значимости накопленного в советский период опыта в организации образовательного процесса стало устойчиво воспроизводиться в публичной риторике, находя отражение в программных документах и экспертных заключениях самой различной направленности.

Отсутствие четкой программы реформ и стихийное воспроизводство советских образовательных практик имели для развития российской системы образования крайне важные последствия. Они делали его все менее предсказуемым и все более зависимым от конкретных решений. Практически каждый комплекс нововведений оборачивался довольно неожиданными результатами, при этом эффекты от преобразований становились очевидными лишь по истечении определенного времени. В большинстве случаев реформы в образовательной сфере требовали последующей корректировки и изменений в установленных правилах игры. Эта ситуация характеризует как преобразования начала девяностых годов, так и инициативы последних лет. Так, в частности, формальное введение двухуровневого высшего образования в России Законом «О высшем образовании в Российской Федерации», в 1992 г., совершенно не означало реализации его принципов на практике. Первая ступень – бакалавриат – оказалась фактически непризнанной на рынке труда, что изначально существенно затруднило процесс адаптации к новым образовательным нормам. Новые стандарты принимались в основном классическими университетами, тогда как вузы, ориентированные на подготовку специалистов для производственной сферы, были вынуждены работать по прежним принципам, не нарушая логику процесса обучения (см., напр.: [4]). В результате болонские стандарты в России стали постепенно «корректироваться» сложившимися механизмами воспроизводства образовательных практик. Учебные планы и программы, в соответствии с изменившимися требованиями, могли приобретать новый вид и внешние очертания, однако в содержательном смысле они по большей части сохраняли прежнюю структурную логику. Как отмечает Андрей

Ранчин, с сохранением огромных объемов обязательных занятий и ограниченного времени для самостоятельной работы студентов, Болонская система на российской почве, по сути, утратила изначальный смысл [5].

Даже такая реформа, как введение единого государственного экзамена, которая по самой своей природе предполагала установление универсальных правил игры, потребовала в итоге специальных дополнений и корректив. Уже в 2008 г. Правительством Российской Федерации был утвержден список из 24 вузов, которым было разрешено проводить дополнительные профильные вступительные экзамены по отдельным специальностям. Впоследствии перечень вузов постоянно претерпевал изменения, а их число постепенно сократилось до пяти в 2013 г. [6]. Вместе с тем, само наличие возможности для высшего учебного заведения подать заявку на проведение дополнительного экзамена свидетельствовало о неготовности вузов ориентировать процесс отбора студентов исключительно на общие стандарты.

Нынешний вектор развития образовательной системы трудно считать результатом стратегического замысла или выработанной программы действий. Ее функционирование все больше характеризуется элементами непредсказуемости и неопределенности, нежели наличием организующего и направляющего начала. В этой связи попытка рассмотрения современных образовательных институтов в России с точки зрения выполнения ими идеологических функций носит неоднозначный характер. Ведь реализация этой функции в сложившихся условиях определяется не столько транслируемыми с помощью образовательной системы смыслами и ценностями, сколько особенностями самих способов и механизмов этой трансляции. Ни преобразования, проводимые под лозунгами демократизации процесса обучения, ни внедрение болонских стандартов не смогли фундаментально изменить режим воспроизводства образовательной системы и, главное, – ее ценностное содержание.

Единственным принципиальным новшеством, привнесенным в отечественную систему образования в постсоветский период, стала общая тенденция к технологизации этой сферы. В одних случаях она являлась результатом осознанной политики по унификации образовательного поля и стремления устанавливать единые стандарты и универсальные правила. В других – оказывалась своего рода побочным эффектом реформ, пытавшихся сориентировать сферу образования на принципы рыночных отношений. Наслоение новых «универсальных стандартов» на сложившиеся в советский период практики организации образовательного процесса усиливали действие инерционных механизмов, которые компенсировали не только институциональные противоречия внутри системы, но и возникший «дефицит ценностей». Образовательная система была не в состоянии усваивать новые ценности и идеологические послылы, носившие крайне размытый характер, просто в силу институциональной логики своего развития. Механизмы, приводившие ее в действие на протяжении многих лет, оказывались невосприимчивы к каким-либо идеологическим импульсам. Эти внешние влияния «перерабатывались» системой, постепенно проникая в ее внутреннее устройство. Однако результаты таких воздействий могли проявиться лишь по истечении времени.

В итоге основную нагрузку по осуществлению идеологической функции образовательной системы стали нести на себе привычные формы организации процесса обучения и сформировавшиеся в этой сфере за десятилетия рутина и модели поведения. Таким образом, сама форма воспроизводства знания оказывалась важнее его содержательного посыла.

В этом контексте современную российскую систему образования трудно рассматривать в качестве инструмента прямого идеологического влияния. Процессы, протекающие в этой сфере, оказались по большей части слабо контролируемыми и управляемыми. В сложившейся ситуации весьма показательными являются дискуссии вокруг реформирования системы преподавания истории в школе. Так, в частности, ряд экспертов полагают, что нововведения в этой области не в состоянии принципиально изменить характер идеологического воздействия на школьников в силу устойчивости и косности самих механизмов преподавания общественно-исторических дисциплин. По мнению Филиппа Чапковского, ни введение единого учебника истории, ни изменение учебных планов и образовательных стандартов не могут преодолеть воспроизводства рутинных практик преподавания истории в школе, утвердившихся еще в советский период. Согласно автору, «для того, чтобы образовательная система могла быть использована как идеологическая машина, потребуется в корне ее перестроить», в то время как сегодня «государственная идеология представляет собой в основном набор стереотипов, изложенных на языке лирической государственности, сформулированных еще в 1970-х гг. и дошедших до нас почти в неизменном виде» [7, с. 130].

Вместе с тем, стоит подчеркнуть, что идеологическое воздействие системы образования определяется не только ее прямым использованием в качестве средства государственного влияния. Напротив, основные идеологические эффекты образовательной системы современной России связаны с самим характером ее инерционного воспроизводства и выступают своего рода побочными действиями институционального развития. Внедрение международных стандартов образования, ориентация на интеграционные процессы и принципы рыночных отношений не смогли изменить фундаментальных основ отечественной образовательной системы, но при этом смогли привнести в нее качественно новые элементы на уровне общих правил игры.

Нацеленность реформ на технологизацию образовательной сферы и требования рынка привели к постепенному формированию и закреплению соответствующих привычек и социальных установок. Результатом стало значительное усиление тенденции к глубоко инструментальному отношению людей к процессу обучения и образованию в целом. Как отмечает Борис Дубин, «большинство россиян рассматривают качество образования, прежде всего, в прагматическом ключе». Согласно ученому, такое отношение «ориентирует на ближайшие, более простые цели – немедленное или, по меньшей мере, быстрое вознаграждение в настоящем, «прямо сейчас» [8, с. 34]. Являющееся следствием этого общее снижение уровня критического мышления и рефлексивности среди обучающихся оценивается рядом специалистов как способ утверждения среди

населения принудительно адаптивных форм поведения [9, с. 192–197]. Такая ситуация сама по себе задает определенные идеологические стандарты и условия для формирования выгодных для власти социальных установок. В итоге, выступая результатом объективных институциональных процессов, сложившийся в образовательной сфере порядок взаимодействий может сознательно стимулироваться и поддерживаться властью в идеологических целях.

Таким образом, значение инерционности в развитии российской образовательной сферы не сводится исключительно к эффектам торможения и влиянию советского институционального наследия. По сути, инерционность выступает одним из ключевых механизмов воспроизводства системы образования, обеспечивая ее устойчивость и целостность на протяжении всего постсоветского периода. Наряду с выявлением логики институционального развития анализ инерционных явлений дает возможность увидеть особенности возникновения идеологических эффектов в образовательной политике. При таком рассмотрении становится ясно, что идеология оказывается сокрытой не столько в новых учебных курсах и программах, сколько в самих практиках организации учебного процесса, режим воспроизводства которых не претерпевает каких-либо существенных изменений уже долгое время. В этом смысле обращение к анализу инерционных механизмов в развитии российской системы образования позволяет не только объяснить природу произошедших с ней трансформаций, но и получить более полную картину возможных издержек от ее реформирования в будущем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Mahoney J.** Historical Context and Path Dependence // The Oxford Handbook of Contextual Political Analysis / R. E. Goodin, C. Tilly (ed.). – Oxford, 2008. – P. 454–471.
2. **Pierson P.** Increasing Returns, Path Dependence, and the Study of Politics // The American Political Science Review. – 2000. – June. – Vol. 94, N 2. – P. 251–267.
3. **Мокыр J.** Technological Inertia in Economic History // The Journal of Economic History. – 1992. – June. – Vol. 52, N 2. – P. 325–338.
4. **Болонский процесс** и его значение для России. Интеграция высшего образования в Европе / под ред. К. Пурсайнена и С. А. Медведева. – М. : РЕЦЭП, 2005. – 199 с.
5. **Ранчин А. М.** Сумерки просвещения. Высшее образование в современной России // Новый мир. – 2013. – № 7. – С. 171–192.
6. **Пять вузов** России смогут проводить в 2013 году дополнительные экзамены // Российская газета. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rg.ru/2012/12/11/vuzi-anons.html> (дата обращения: 31.08.2013).
7. **Чапковский Ф.** Учебник истории и идеологический дефицит // Pro et Contra. – 2011. – Январь–апрель. – Т. 15, № 1–2. – С. 117–133.
8. **Дубин Б.** Качество или диплом? // Pro et Contra. – 2010. – Май–июнь. – Т. 14. – № 3. – С. 32–51.
9. **Дубин Б. В.** Россия нулевых: политическая культура – историческая память – повседневная жизнь. – М. : РОССПЭН, 2011. – 391 с.

Принята редакцией: 11.09.2013